

Ночное бдение / рассказ

Category: Hekaýalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Ночное бдение / рассказ НОЧНОЕ БДЕНИЕ

Она умерла без агонии, спокойно, как женщина жизнь которой была безупречна, и теперь покоилась на кровати с закрытыми глазами, с недвижным лицом; ее длинные седые волосы были тщательно причесаны, как будто она только что совершила свой туалет; бледное лицо почившей было так сосредоточенно, так спокойно, так безропотно, что было ясно, какая кроткая душа обитала в этом теле, какую безмятежную жизнь веля эта чистая сердцем старушка, какая кончина без потрясений и угрызений совести была уделом этой благородной женщины.

На коленях у кровати неудержимо рыдали ее сын, судья, известный своими непоколебимо строгими правилами, и дочь Маргарита, в монашестве сестра Евлалия. Мать привила им с детства твердую нравственность, воспитала их в суровых догматах религии и в безусловном повиновении долгу. Он, мужчина, стал судьей и, потрясая мечом закона, безжалостно карал слабых, сбившихся с пути; она, девушка, проникнутая добродетелью, окружавшей ее в этой суровой семье, посвятила себя богу из отвращения к людям.

Они совсем не знали своего отца; им известно было только, что он сделал их мать несчастной. Подробности были им неведомы.

Монахиня безумно целовала свесившуюся руку усопшей, руку того же цвета слоновой кости, что и распятие, лежащее па постели. По ту сторону расprostертого тела другая рука, казалось, еще комкала простыню жестом, характерным для умирающих; на полотне сохранились легкие складки, как воспоминание об этих последних движениях, предшествующих вечной неподвижности.

Легкий стук в дверь заставил рыдавших детей поднять головы: вошел только что пообедавший священник. Лицо его раздумянилось, он с трудом дышал из-за начавшегося пищеварения, так как усердно подливал себе в кофе коньяк, чтобы побороть усталость предшествовавших ночей и подбодриться

к начинавшейся ночи бдения.

Он казался опечаленным фальшивой печалью церковного служителя, для которого смерть – заработок. Он перекрестился и, приближаясь, произнес профессиональным тоном утешения: – Бедные дети мои, я пришел помочь вам провести эти скорбные часы.

Но сестра Евлалия быстро поднялась с колен:

– Благодарю, отец мой. Брат и я, мы хотим остаться подле нее одни. Ведь это для нас последние минуты, что мы ее видим, мы хотим побыть втроем, как прежде, когда мы... мы... мы были маленькими и наша бед... бедная мама...

Она не могла договорить, с такой силой хлынули у нее из глаз слезы, так душило ее горе.

Священник склонился с просиявшим лицом, подумав о своей постели.

– Как хотите, дети мои.

Он опустился на колени, перекрестился, прочел молитву, поднялся и тихо вышел, бормоча:

– Она была святая.

И они остались одни, умершая и ее дети. Часы, спрятанные где-то, мерно отбивали в темноте свои удары, а в раскрытое окно вместе с бледным светом луны проникал нежный аромат сена и лесов. Ни малейшего звука в деревне, кроме кваканья лягушек и временами жужжания ночного насекомого, влетавшего, как пуля, в окно и ударявшегося о стену. Ничем не нарушаемый покой, божественная истома, безмятежная тишина окружали скончавшуюся, казалось, исходили от нее, изливались наружу, примиряюще действовали на саму природу.

Судья, все еще стоя на коленях, уткнув голову в постель, вскрикнул глухим, раздирающим душу голосом, проникшим сквозь толщу простынь и одеял: «Мама, мама, мама!», а сестра его, упав на паркет, колотясь, как фанатичка, лбом об пол, извиваясь в судорогах и вся дрожа, как в припадке эпилепсии, стонала: «Иисусе, Иисусе, мама, Иисусе!»

Потрясенные бурным приступом горя, оба они задыхались, хрипели.

Наконец кризис понемногу стих, смягчился, и они заплакали

тихими слезами; так спокойные дожди следуют за шквалами в разбушевавшемся море.

Прошло немало времени, пока они смогли подняться и вновь отдаться созерцанию дорогой усопшей, и воспоминания, далекие воспоминания, вчера еще такие приятные, а сегодня такие мучительные, возникали в их памяти с мельчайшими забытыми подробностями, с теми маленькими, интимными, чисто семейными подробностями, которые как бы воскрешают исчезнувшего человека. Они припоминали слова, улыбку, голос той, которая больше не заговорит с ними, припоминали отдельные случаи из ее жизни. Они вновь видели ее счастливой, спокойной, видели ее легкий жест рукой, – как бы отбивавшей такт, – когда она произносила что-нибудь особо значительное.

И они любили ее, как никогда не любили раньше. По силе своего отчаяния они могли судить, до какой степени одинокими будут они теперь.

То, что исчезло, было их опорой, их руководством, олицетворением их молодости, радостью их существования, той нитью, которая привязывала их к жизни: это была мать, мамочка, та плоть, создавшая их, та связь с предками, которой более у них не будет. Они становились теперь сиротами, одинокими, разобщенными, и не могли больше мысленно возвращаться к прошлому.

Монахиня сказала брату:

– Ты знаешь, матушка любила перечитывать свои старые письма; они все тут, в ее ящике. Что, если бы и мы прочли их и пережили всю ее жизнь сегодня ночью, подле нее? Мы как бы пройдем ее крестный путь, мы познакомимся с ее матерью, с неизвестными нам предками, о которых она так часто говорила нам, помнишь?

И они вынули из ящика десяток небольших пачек желтой почтовой бумаги, старательно перевязанных и сложенных по порядку. Они выложили эти реликвии па кровать и, выбрав одну из них, на которой было написано слово «отец», раскрыли и стали читать.

Это были письма давних времен; их находишь в старых семейных секретерах, и они отзываются иным веком. Первое начиналось словами: «Моя дорогая»; другое: «Моя милая внучка»; следующее:

«Дорогое дитя»; еще одно: «Дорогая дочь». И монахиня принялась читать вслух, перечитывая умершей ее же историю, воскрешая все дорогие ей воспоминания. Судья облокотился о постель и слушал, устремив глаза на мать. И неподвижное тело казалось счастливым.

Прервав чтение, сестра Евлалия сказала:

– Надо будет положить их вместе с ней в могилу, сделать ей из них саван, схоронить ее в нем.

И она взяла другой пакет, на котором не было никакой надписи. И она начала читать вслух: «Божество мое, я люблю тебя до безумия. Со вчерашнего дня я страдаю, как осужденный на адские муки: меня сжигают воспоминания о тебе. Я ощущаю твои губы па моих губах, твои глаза под моими глазами, твое тело, прижавшееся ко мне... Я люблю тебя, люблю тебя! Ты свела меня с ума. Мои объятия раскрываются, и я весь трепещу, горю страстным желанием вновь обладать тобой. Все тело взывает к тебе, жаждет тебя. На моих губах живет ощущение твоих поцелуев...»

Судья выпрямился, монахиня прервала чтение; он вырвал у нее письмо, стал искать подпись. Ее не было, но под словами «обожающий тебя» стояло имя «Анри». Их отца звали Ренэ. Значит, это был не отец. Быстрым движением руки сын разрыл пачку писем, вынул другое и прочел: «Я не могу жить без твоих ласк» ...И, стоя с суровым лицом, как на заседании суда, он взглянул на бесстрастно лежавшую покойницу. Монахиня замерла, как статуя, со слезами на глазах и ждала, наблюдая за братом. А он тихо прошел по комнате к окну и задумался, устремив взор в ночную тьму.

Когда он обернулся, сестра Евлалия все еще стояла около постели с поникшей головой, но глаза ее были сухи.

Он подошел, быстро собрал письма, бросил их обратно в ящик и задернул полог кровати.

И как только дневной свет затмил свечи, горевшие на столе, сын медленно поднялся с кресла и, не взглянув на мать, которую он отлучил от себя и сестры и осудил, тихо произнес:

– Теперь удалимся, сестра.

* * *

Напечатано в «Жиль Блас» 7 июня 1882 года под псевдонимом Мофриньёз.

Ги де Мопассан. Полное собрание сочинений в 12 тт. Том 10.
Библиотека «Огонек», Изд. «Правда», М.: 1958
Перевод Н.Гарвея Некаýalar